

A watercolor illustration of a woman with blonde hair, wearing a light purple coat and a matching umbrella, looking through a camera. She is standing on a street in front of a two-story building with a grey roof and a pinkish-orange facade. The sky is blue with white clouds. The overall style is soft and artistic.

Юлия Веденкина

ПРИКОСНУТЬСЯ

взглядом

Юлия Веденкина
Прикоснуться взглядом

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35004760

Прикоснуться взглядом. / Веденкина Ю. В.: Перо; Москва; 2018

ISBN 978-5-00122-385-6

Аннотация

Остросюжетный роман, в котором Главная героиня получает неординарную директиву от парапсихолога. На пути к ее выполнению попадает в весьма интригующие ситуации не только с оттенками мистики, но и юмора. Полученный результат не поддается никакой логике.

Содержание

Введение	4
Прикоснуться взглядом	8
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юлия Веденкина

Прикоснуться взглядом

Введение

В детстве частенько я утыкалась в маму, словно в мягкое воздушное облако, слушая ее ласковый, обволакивающий голос, пересказывающий мне шедевры мировой литературы.

Имея прекрасное воображение, я попадала в интересный и захватывающий мир иллюзий, почти реальный. Мама, если когда-нибудь хотела плохо высказаться о ком-то, то наивысшее ее оскорбление звучало так: «Ни одной книги не прочитал!» Тем не менее, я ленилась читать сама. Только, будучи ответственным ребенком, читала от корки до корки произведения школьной программы, вечно озадачиваясь вопросом: «Читать замучаешься... Сколько времени надо, чтобы написать?» С сочинениями тоже были проблемы, хотя я всегда и получала пятерки за содержание, но с таким трудом выжимала из себя мысли, чтобы дотянуть до минимального объема, определенного учителем, что писать мне приходилось своим самым размашистым почерком. И вдруг у меня стало возникать желание не просто читать, но и излагать что-то на бумаге.

Моя дочь смотрела сериал, где героиня написала сказку для своей дочки.

– Мама, а давай ты тоже сказку напишешь? – спросила меня дочка.

– Даша, ты думаешь, это просто? Надо, чтобы язык был хорошо подвешен! – ответила ей бабушка, рассмеявшись.

Неожиданно для всех я протянула своей маме рассказ:

– Вообще-то, я начала пописывать.

Она испарилась на 15 минут. Появилась в очень изумленном состоянии, даже заторможенном от неожиданности.

– А, может, и выйдет толк... – еле слышно сказала она.

Дочь, успев подрасти, тоже прочитала рассказ и посоветовала мне, в очень интересной форме, написать продолжение (ее совет обязательно отразится в книге в качестве иллюстрации).

Так два самых близких человека сподвигли меня взять перо, бумагу и возомнить себя писателем.

Я ввела на
мой взгляд
нужные небольшие
поправки (как испра-
вления в каталогах
слов, так и некото-
рые другие моменты)
Надеюсь ты прочитаешь
всё с моими попра-
вками и согласишься
проверить ↓

с книж)
мне очень понрави-
лось, советую тебе
написать проже-
ние и показать его
мне, обязательно!

Прикоснуться взглядом

Любая девочка свою взрослую жизнь видит в счастливом браке с любящим и нежным мужчиной. По крайней мере та, у которой любимая сказка – «Золушка». Я не была исключением, и мне казалось, чтобы заработать благоговейное отношение будущего супруга, выйти замуж обязательно нужно, не имея сексуального прошлого. Почему я так думала?

Недавно видела интервью влюбленной пары. У них спросили, какие самые неординарные безрассудства были в их сексуальной жизни. Молодой человек с блеском в глазах начал рассказывать: «Однажды мы перепачкались взбитыми сливками, а потом слизывали их друг с друга. Это было так эротично и волнующе». Девушка скромничала поделиться своими яркими впечатлениями. Молодой человек подтолкнул: «Да ладно тебе, расскажи».

Даже не представляя, насколько девушка отличается от того образа, в который он, по-видимому, влюбился. Его мордашку перекосило от ее высказывания: «Однажды я осмелилась уединиться сразу с двумя афроамериканцами». Интервью было явно шуточное, так как показали тут же еще одно – с персонажами из рассказа девушки, а ее перекошенный друг случайно стал невольным свидетелем. Два афроамериканца наперебой рассказывали, как круто было с ней развлекаться. Как вы думаете, что должен чувствовать лю-

блещущий эту девушку мужчина? Наверяд ли восторг от ее сексуальности и доступности. Такое прошлое кого угодно выбьет из колеи. Мне хотелось, чтобы любимый был уверен в моей непорочности. В моих мечтах я приходила к нему чистым и светлым ангелом. Пусть даже наивной, глупой, в конце концов, но не испорченной, не развращенной. Так оно и получилось: я преодолела все искушения юности и вышла замуж девственницей. Но, к моему величайшему удивлению, это совсем не было оценено мужем. Ни любви, ни заботы я не почувствовала... не то, что трепета от свалившегося на него счастья в виде меня. Виной тому, скорее всего, стали еще не прошедшие эмоции моего мужа к девушке, которую он безответно любил. Он перешел, на мой взгляд, допустимую черту, вываливая на меня свои душевные терзания, вызванные сильной страстью к прожженной особе, способной увлечь и лишиться сна. Брак распался, а вместе с ним и солнечная картинка супружеской жизни в принципе. В статусе разведенной женщины не получится стать для мужчины милой, наивной, безукоризненно чистой. В голове никак не стихала мысль: «Кому я теперь нужна? Мужчины будут относиться ко мне, как к разбитной разведенке». Сложно жить с осколками мечты о сказочных отношениях. К горлу подступала боль и разочарование. Сегодня я все-таки поставила точку в наших с мужем отношениях. И точку очень жирную. Нет смысла поддерживать имитацию благополучия. Уже не страшно, что предстоит пережить сочувствующие реплики и

взгляды, от которых, если честно, больше всего будет тошно. Придется вернуться домой, где тебе периодически напоминают о том, что тебя вырастили, да, собственно, вообще родили. Но об этом чуть позже.

Муж пока разрешил пожить у него, он, видимо, думал, что все еще может наладиться, что я являюсь ему другом настолько, что смогу понять даже выплескивающиеся чувства к другой девушке, которой он, собственно, не нужен. Но я гордый человек и привлекательная женщина, я заслуживаю быть любимой и желанной, а, главное, единственной. Не понимая, что сам во мне очень нуждается, муж довел меня до точки кипения. Теперь рассчитывает, что я остыну. Ведь в нем впервые появился страх меня потерять.

Наши отношения завязались случайно. Он просто как галантный юноша решил проводить не понравившуюся ему девушку до дома, т. к. было поздно, и мы возвращались от общих друзей. На его взгляд я была толстовата настолько, что однажды, когда мы уже поженились, он, увидев меня без одежды, искренне удивился: «Лапа, а что, у тебя талия есть? Тогда разве можно так одеваться?»

Но даже в менее мешковатой одежде, купленной по его вкусу, он меня стыдился, стесняясь показаться на людях. Человек, не любящий компании, все же нашел в интернете единомышленников и сдружился с ними до такой степени, что даже захотел прийти на день рождения одного из них. Возникла проблема: ему пришлось взять меня с собой. Я надела

купленные им прорезиненные джинсы. Он посмотрел на меня критичным взглядом и сказал: «А ты уверена, что так тебе можно показаться перед моими друзьями?» После он показал их форум. Одно из сообщений гласило: «На улице теплеет. Девушки снимали шубы. На многих из них страшно смотреть! Понадевали на себя облегающую одежду, в которой похожи на гусениц или ветчину в сеточке. Перед тем, как выйти из дома, удосужились бы хоть мельком в зеркало на себя взглянуть. Особенно привлекают студни, одевшие на себя джинсы с низкой талией, а сверху жир свисает, не влезший в штаны, как убежавшее тесто из кастрюли». Меня обидела такая реакция мужа, но я, ее проигнорировав, переодеться не стала. Не собираясь выполнять и просьбу мужа хотя бы молчать, чтобы за умную сойти.

После вечеринки муж, удивленно:

– На форуме обсуждают исключительно тебя.

Я взглянула в компьютер на сообщения мужу:

«Понятно, почему ты всегда нехотя говорил, что женат.

Вот, оказывается, какая у нас жена! Боишься, чтобы не увели?» – начал один.

Продолжил второй: «Умна, хорошенькая такая, только как ты-то возле нее оказался?»

– Вот видишь. А ты боялся, что я округлыми бедрами всех твоих друзей распугаю, – ответила я ему.

– Они тебе льстят... – задумчиво сказал муж.

– Смотри, обо мне еще что-то написано! «Достаточно

сложно найти идеал женской фигуры, как у твоей жены, когда жира еще нет, а костей – уже. Каждый мужчина мечтает о пышущей здоровьем девушке, а не о бледном скелете или розовом поросеночке».

– Не слушай их, это придумали толстые тетки, – раздражённо ответил он мне.

К информации: я весила 54-е килограмма. Сами судите, насколько я жирна.

Он был уверен, что если я не похожа на Шерон Стоун, а всего лишь на Милен Фармер, Кристину Орбакайте или Светлану Ходченкову, то не только ему нравится не могу, но и вообще всем.

Как же он ошибался. Хотя за два года совместной жизни количество моих комплексов росло в геометрической прогрессии, я все же не поверила ему до конца, так как чувствовала, что интересна мужчинам. В частности, его друзьям.

Так получилось, что на следующем дне рождения я была уже без него. Чат привлек разнообразных людей на праздник. Уж не знаю, каким образом, но и весьма специфичную личность – RAtCATCH-er а. Не буду Вас заставлять лезть в англо-русский словарь, переведу сама: Крысолов. Почему он оказался в компании хоть и хорохорившихся ребят, но интеллигентных и сдержанных в поведении, хорошо воспитанных? Не знаю. Возможно, их влекло его бунтарское поведение, игнорирование им норм и правил. Подростки и еще не поумневшие мужчины часто страдают негативизмом. Во-

прос «Тварь ли я дрожащая или право имею?»¹ мучил еще Раскольникова. Лучше Достоевского никто не описывал так глубоко и четко все мытарства души. Главный герой целенаправленно переступил черту, наказал себя сам угрызениями совести впоследствии. Вот и эти ребята интуитивно чувствовали неприемлемость для себя его образа жизни. Но их особенно влекла и интересовала та сторона, которая была связана с групповым сексом. Один из них (с подругой даже) напросился к нему на подобную вечеринку. Просидел все время на кухне, так и не переступив через консервативное воспитание, наблюдая только, как многочисленные девушки пробегали мимо него в полуобнаженном виде.

Вот этот самый RAtCatcher сегодня за столом делится впечатлениями: – Просто все вы не знаете, какое ощущение испытывает человек, когда его сразу ласкают несколько губ и множество рук. Для того чтобы понять этот кайф, нужно попробовать!

– Если мы заранее знаем негативный результат, так не стоит и экспериментировать, – ответила я, возражая.

– А откуда ты знаешь? Судишь о том, чего не пробовала!

– Девушки, завербованные тобой, ассоциируются у меня с общественным туалетом. Когда приспичит, все ими пользуются. Моя же шкала ценностей, с помощью которой я воспринимаю окружающий мир, очень отличается от твоей. Мне не хочется даже представлять себя вышеописанной сан-

¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – Ч. 5, гл. 4

техникой, так как считаю, что для девушки важна репутация. Я не одна из множества чего-то.

Мой кумир не ты, не помнящий лиц тех, чьи руки тебя ласкают. У меня, собственно, вообще нет кумиров, только личности, пусть даже и отрицательные, для меня интересные в той или иной степени. Допустим, Клеопатра, способная увлечь мужчину настолько, что он готов отдать свою жизнь. Или Мата Хари, в прямом смысле лишаящая рассудка. А что ты? Тебя эти обезличенные губы тоже не помнят, – вкладывая в подтекст презрение к RAtCatcher у и его окружению, парировала я.

– При таком подходе ты можешь так и не ощутить неведомые тебе удовольствия.

– Иногда у нас достаточно опыта, чтобы понять, к чему приведёт тот или иной поступок. Например, если я сяду холодной осенью в лужу, то точно знаю, что ничего хорошего в этом не почувствую. Мерзко, холодно, слякотно, грязно.

– А я бы сел. Думать можно очень долго. А так – быстро проверил и успокоился. Может ты, сядясь в лужу, именно в ней почувствуешь наивысшее наслаждение в своей жизни.

– Человек прибегает к действию лишь тогда, когда не может достичь того, что можно понять мозгами. Из-за слабости ума.

Это был нокдаун с моей стороны. Он завис так, что в воцарившемся десятисекундном молчании я ловила на себе восхищенные взгляды присутствующих ребят – талантливых

программистов и компьютерщиков. Весьма высокого мнения о себе, не без оснований. Но все же в них чувствовалась завышенная самооценка. Тем не менее они были шокированы. В компании были еще две девушки, жена одного из гостей и подруга хозяина. Но они с самого начала не принимали участия в диалоге, ни активно, ни пассивно, ощущая высокомерие RAtCatcher'a, чувствующего только себя достаточно умным.

Философские беседы прервала музыка. Меня пригласил на танец один из гостей. Золотой кулон в виде рыбы – моего гороскопического знака – привлек его внимание.

– А что это у тебя за птичка на груди? – поинтересовался партнер по танцу Димон.

– Это не птичка, это рыбка. Я рыбы по гороскопу.

– Я прекрасно знаю этот знак, – и уже громко, резко прижав меня ближе, – ты брось свои рыбки замашки – танцевать на расстоянии.

В этот раз чат жужжал еще сильнее. Я умудрилась увлечь двоих друзей мужа из четырех мужчин, присутствующих на дне рождения, вообще не прикладывая никаких усилий, сроду не умея даже глазки строить. Они реально собрались меня уводить у мужа для долгих серьезных отношений. Муж недоумевал: «Да что там вообще происходило?»

Сообщение обо мне:

«RAtCatcher», потерпев полное фиаско в попытках привлечь высоконравственную девушку Алю к своим занятиям,

указал, что ей самое место в луже, ведь именно там она получит свое самое величайшее наслаждение в жизни. А обломавшийся Димон почему-то на всю квартиру называл ее рыбой.

Кроме ироничного рассказа в чате проступало то, что все восприняли меня как привлекательную женщину, не лишённую живого ума. Способного противостоять самому RATCatcher'у. Димон, узнав о нашем разрыве, допекал мужа просьбами нас свести: «Я годами маюсь с нелюбимыми в поисках «такой». А ты, дурак, упустил». Димон еще долго укорял мужа за то, что тот рассказал мне о его намереньях, зарубив все на корню. А именинник долго мне названивал самостоятельно.

До мужа, наконец, дошло, что и в первый раз они вовсе не шутили.

Он сказал мне, что не ожидал.

Я же ответила, добив его окончательно: **«Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь, Так воспитаньем, слава богу, у нас не мудрено блеснуть»².**

Не тем, что процитировала Пушкина, а точностью и уместностью высказывания.

У вас, наверное, возник вопрос, как при таком восприятии меня мужем мы стали встречаться. Просто его привлекло мое неординарное мышление. А меня – его ум и образованность. Московский Инженерно-Физический Институт он

² Пушкин А. С. Евгений Онегин. – Гл. 1, строфа 5

закончил с красным дипломом, имел научные разработки. То есть, был теми самыми русскими мозгами, которые в последствии утекли в США на постоянное место жительства. Все у нас было словно по течению: встречались, опустив этап хождения под окнами и распевание серенад. На его предложение выйти замуж, как в романах время подумать не брала, а сразу согласилась. Вот так он и не додумался понять, что я что-то значу для него.

Возможность появилась слишком поздно. То есть теперь, когда я выплакала все и жалела только о том, что духу не хватило уйти пару месяцев назад. Сразу после корпоратива мужа, на котором он врасос целовался с коллегой из соседнего отдела на глазах у изумленного начальника, сказавшего только, что сфоткает – компромат для жены.

Для него было нормально и даже радостно рассказать мне об этой истории. Ничего плохого он в этом не видел, ведь мой муж же с ней не переспал. Нормально было и признаться, что не переспал только потому, что она этого не захотела.

Так что я сейчас, не смотря на то, что жила у мужа, восстанавливать отношения не собиралась. А, главное, он готов был на мое условие: отсутствие физической близости. Мне требовалось время подготовить себя к возвращению домой. Вернутся туда, откуда я так быстро уходила, было нелегко. И так, мне плохо. Видимо, совсем плохо, будто что-то оборвалось внутри: хочется кричать, бежать, в общем, каких-то нелогичных действий. И вот я сажусь в электричку и еду в

Подмосковье, в деревню, где прошло мое детство. Там родился отец. А мама туда к сестре приезжала. Будучи девушкой озорной, заводной и веселой, она была центром внимания. И папа, выпендриваясь, заявил друзьям, что соблазнит ее. О чем ей в этот же день доложил мамин воздыхатель. Он был ею очарован, но младше мамы на несколько лет, из-за чего она на него и внимания не обращала. Узнав о споре, решила проучить нахала. А именно – влюбить и бросить. Тем более мачо он был тот еще. Провожая маму домой, ничего более остроумного не придумал, как расспрашивать её о ценах на петрушку и морковь на московских рынках под хоровое хихиканье шпионов, прячущихся в кустах. Ну, что вам сказать? Доспорились, допроучались. Поженились, троих детей родили, из которых один, собственно, я. Итак, сотня километров на электричке, автобус. Я на месте. Странные ощущения. С одной стороны, я так ненавижу все эти сельскохозяйственные работы, отсутствие комфорта, тяжелую карму предков, которая именно здесь особенно нависает и давит. С другой – это часть моего детства. Оставлю все свои сопли по поводу «ой, деревце, ой, поворот, ой, речушка, ой, качели». Блин... все-таки, ой, качели. Я на вершине деревушки, дома которой словно ступеньки уходят вниз, где, собственно, и находится дом, куда я держу путь. Но пока я на холме – справа многоквартирный дом, ушедший в землю, где и жила мамина сестра.

Он зарос борщевиком и был нежилым. Как мамина сест-

ра, москвичка, оказалась за сто километров, а, точнее, за сто тринадцать километров от Москвы?

В молодости влюбилась в солдатика родом из Киева. Кудрявый гармонист пользовался успехом у женщин. Вот тетя моя им и увлеклась, вышла замуж и поехала с мужем в Киев, предварительно по его просьбе выписавшись из квартиры в Москве. Жилье у мужа оказалось вовсе не в Киеве, как она думала, а в захолустной деревушке Грязиновке. Где гармониста на перроне ждала красавица хохлушка-невеста. Он зачем-то ей в письме написал: «Приезжаю, встречай». Правда, забыл упомянуть, что едет с уже беременной женой. Та прическу сделала, вырядилась, как кукла. В общем, без комментариев. . . Ни воды, ни отопления в этой деревушке не было, зато скотины полон двор да огород необъятный. Хрупкая московская барышня недолго там задержалась. Уехала вместе с мужем обратно в Москву. Да вот беда: ее уже не прописали. Так и оказалась она в этом месте. Жила с мужем в этом доме без удобств и осваивала жизнь крестьянки.

Напротив – первый сельский дом из бревен. Его практически не видно, он утонул в одичавшем саду, огражденном покосившимся забором. А возле – качели!

Дом, где жила мамина сестра

У моего дома тоже есть качели, но чужие всегда лучше! Вот и эти лучше. Ой, куда-то начала проваливаться, я смотрю на них глазами маленькой девочки, прибежавшей к ним покататься, но, конечно, в детстве и десятиминутное путешествие от своего дома до конца деревни было уже событием. На лавочке сидит бабушка, как девочка воспитанная – здороваюсь, прошу разрешения покататься. Она спрашивает

ет:

– Чья ты такая, девочка? – после моего ответа продолжает, – мы очень с теткой твоей дружили, – тетя в свое время переехала поближе к Москве.

– Как она поживает? Привет ей от меня передавай.

Вдруг появляется ее сын. Он, узнав цель моего прихода, шутит:

– Если замуж за моего сына пойдешь, качайся на здоровье.

Подтягивается и претендент на мою руку и сердце, вредный мальчишка, заявивший:

– Папа, она же рыжая!

Посмотрев на него исподлобья, я ответила:

– Меня просто солнышко любит.

Но да разве ему, темноволосому и кареглазому, это понять? Ушла обиженная, ворча по дороге, что я вовсе и не рыжая, а просто у меня немного ярких веснушек, причем только на носу и только летом. А волосы у меня были светленькие, может, с легким соломенным отливом, за что меня, собственно, и называли «златовласа». Правда, веснушки все-таки делали свое дело. Пару раз за всю детскую жизнь я слышала «рыжая» в свой адрес и про «дедушку, убитого лопатой» тоже. Помните детский мультфильм: «Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой». Да и то, может, благодаря маминому стремлению укутать меня в лисьи шапки... А носик у меня остренький, глаза кошачьи. Ну прям Лиса Патрикеевна получаюсь. А как еще лису назвать? Подросла и за-

служенно получила если не статус блондинки, то, по крайней мере, девушки с очень светлыми русыми волосами. Ребенком я прибежала на качели, где хозяйка радушно меня встречала, постоянно огорчаясь, что конфет у нее нет. На что я ей заявляла, что и сахар люблю. А сахар у нее был какой-то особенный: большими колотыми кусками, как сахарная пудра по вкусу...

Вот я, с израненной душой, спускаюсь мимо этих качелей к дому. Там мама отдыхает летом. После замужества мы редко видимся. (Вы не забыли, мой брак уже распался, причем сегодня, но живу я у мужа.) Мы даже не оформили официально развод и не собираемся пока тратить время на формальные процедуры. Думаю, что не стоит сопли жевать: «Я сильная. Мне хорошо и весело».

Иду к подруге детства, с которой решила в 21 год стариной потряхнуть и пойти в сельский клуб. Подружка моя – лидер по характеру. И всегда подчиняла себе местную дачную ребятню: кто-то с охотой слушался, а я, девочка со своим мнением, периодически с ней конфликтовала. Однажды с ней и еще одной нашей подружкой пошли строить шалаш. Ну, конечно, я внесла свои рационализаторские предложения, которые больше никого не заинтересовали. Так вот я и решила тогда все разломать, что мне, собственно, не давали сделать. Наше копошение проходящий пастух за драку принял, в результате чего двум другим подружкам запретили общаться между собой, а я на коне оказалась, так как им обоим кроме

меня не с кем было дружить.

Я даже если со всеми переругаюсь, то не особо переживаю. У меня была гордость – старший брат Влад. Ярко выраженный сангвиник. Человек успешный, везучий, красивый, веселый, спортивный. Душа любой компании. Яркая внешность не оставляла равнодушной почти 100 процентов девушек, в том числе и моих подружек. У него все получалось. А я восхищалась им. Поскольку отношения с отцом у меня не сложились, так как были только требования с его стороны, а девочка все-таки нуждается в мужском воспитании, то роль наставника занял старший брат. Он всегда меня защищал и в обиду никому не давал, так что единственный человек, от которого я получала по шее, был он сам.

Как-то с подружками мы были на катке, но вскоре фигуристки помешали хоккеистам. Нас выгнали. Пришла я домой с подругами зареванная, дверь открыл Влад.

– Что случилось?

Нас ребята прогнали с катка.

Пошли, – сказал он, на ходу одеваясь.

Невозмутимо придя на каток, он просто взял шайбу и пошел в неизвестном для всех направлении. А толпа мальчишек бежала за ним и ноющим тоном просила:

– Влад, пожалуйста, отдай шайбу. Мы же не знали, что это твоя сестра. Мы больше не будем их трогать.

Влад милостиво отдал шайбу, после чего мне выделили персональный кусок льда, уменьшив площадь игрового по-

ля, сдвинув ворота.

При всех вышеописанных качествах он был очень вспыльчив и не терпел пререканий. До меня, естественно, очень быстро дошло: единственный способ общения с ним – это беспрекословное подчинение. Да он просто не возьмет меня с собой, если я не пообещаю слушаться. В детстве я, видимо, обалдевала от образа близких мужчин. Мужчин моего рода.

Во время начала Великой Отечественной войны деда забрали на фронт, в самое пекло. Плохо подготовленные, плохо вооружённые солдаты, которые еще вчера были пахарями, токарями, легко смешивались высокотехнологичной машиной – нацисткой Германией – с землей, только единицы выживших попадали в плен.

Бабушке довольно быстро пришло извещение: без вести пропавший.

Всю войну она прождала вестей о муже. Но больше их не было, даже когда после победы вернулись немногочисленные односельчане с рассказами о том, сколько полегло наших солдат, особенно в начале войны. Под статусом без вести пропавших.

Сгоревший дом, то самое извещение или четверо маленьких детей на руках, но что-то, а, может быть, всё вместе после войны подтолкнуло ее к связи с мужчиной, заведующим провизией, от которого она родила еще одного ребенка. Но в 1946-ом году, спустя год после окончания войны, дед вер-

нулся. Как же так получилось? Он попал в плен. В 1945-ом году военнопленные плакали и обнимали своих освободителей, не подозревая, что их ждет в скором будущем. Всех загнали в эшелон и повезли в Сибирь. Без еды, без воды, без теплой одежды, полубольных и истощенных. А всему виной приказ Сталина «В плен не сдаваться!» и клеймо «Враг народа».

До пункта назначения доехало немного, большинство умерли по дороге. Поскольку немцы всегда были педантами, и в их архивах был безупречный порядок, деда амнистировали как попавшего в плен в бессознательном состоянии. Итак, дед придя в землянку на месте СВОЕГО дома, к СВОИМ детям и СВОЕЙ жене, увидел еще и чужого ребенка-младенца. Он, может быть, и мог понять, но не смог принять эту ситуацию и мстил бабушке.

Думаю, он на ней практиковал все ужасы фашистских пыток, увиденных в лагере, конечно, периодически подзадоренный «доброжелательными соседями», любящими давить на больное. По крайней мере, бабушку за волосы он подвешивал. В детстве наслушавшись всего этого, в том числе, что бабушка сошла с ума в результате травмы головы, нанесенной ей дедом, я смотрела на него, как на бешеного зверя-нелюдя, с жутким ужасом. Для меня он был самым страшным злым существом, но реальным, в отличии от Бабы Яги. Я почему-то в детстве очень боялась Бабу Ягу, но перед сном просила маму рассказать мне о ней. Мама говорила про «зу-

бы крючком, нос торчком и костяную ногу», но, поскольку я просила повторять вновь и вновь, то мне казалось, что это описание очень длинное, а оказывается, всего-то несколько строчек. Зачем это делала, я не знаю, но кошмары мне потом снились, где Баба Яга гналась за мной, чтобы поймать, съесть и косточек не оставить.

Я росла маленькой принцессой. У меня была свита – моя бабушка, которая выполняла все мои желания и капризы. Она очень любила меня. Я просто купалась в заботе и лени. Но однажды бабушка умерла. Я сама не заметила, как заменила бабушку-Золушку собой. Рано вставав по утрам, я шла в школу, уставшая после занятий возвращалась домой. Сначала мыла посуду, брошенную моей семьей в раковине после моего ухода ко сну. Потом, насколько могла, прибиралась. Выходные были ненамного лучше, так как вся стирка (без машинки-автомата), включая постельное белье, и глажка были на мне. Еще мне приходилось присматривать за моим младшим братом, ходить за хлебом. Кроме меня веник и тряпку в нашем доме никто никогда после смерти бабушки не держал, и практически никто не убирал постель за собой. Вещи все раскидывали, где хотели.

Еще и учеба, которая мне давалась с большим трудом. Лет в девять я ехала на велосипеде с горочки, с которой съезжала 358-мь раз, а тут вдруг испугалась. Хотя руль и не отпустила, но, парализованная страхом, неслась прямо на дерево. Конечно, я со всей дури врезалась в него. Ко мне подбе-

жала добрая, обеспокоенная моим падением женщина. Она переживала за меня, косясь на перекошенный велосипед: «Девочка, с тобой все ли в порядке, давай я тебя до дома провожу?»

Я ответила, показав на свой дом: «Не беспокойтесь, со мной все в порядке, вот, совсем рядом мой дом. А на мне ни одной царапины!»

Очнулась в больнице, в палате. Я потеряла сознание и не помнила, как там оказалась. Мне поставили диагноз: сотрясение головного мозга. Я была счастлива: шли майские праздники, и это означало, что в этом году я в школу больше не пойду. Более того, мне целый месяц запретили читать. Много чего запретили, но, главное, уроки я делать не могла!!!

Тогда я не понимала, что это радостное событие моей жизни вызовет многогодичную непрерывную головную боль. Как же тяжело при этом учиться! Особенно учить стихи. Моя бабушка почти в восемьдесят лет, даже с признаками склероза, быстрее их запоминала. Вот и бабушка умерла, а головная боль осталась со мной на долгие годы. Я научилась преодолевать боль и усталость. Не смотря на все мои старания, в доме было не уютно, беспорядок был сильнее меня. Кроме того, квартира моей семьи давно нуждалась в ремонте. Все это злило моего отца. Только моя нога переступала порог, он набрасывался на меня как цепной пес: «Девочка называется, ты должна провалиться сквозь землю из-за того, что в твоём

доме такой беспорядок!»

Моя жизнь состояла из школы, уроков, обязанностей и сна. Так что делать больше, чем я делала, было просто невозможно. Но отец это не ценил, а лишь ругался и угрожал, что расскажет в школе, что я девочка, у которой такой бардак в доме. Я же, в свою очередь, обещала отцу рассказать в милиции о том, что он самогонку гонит, получив прозвище Павлика Морозова, пионера-героя, сдавшего своего отца, пособника кулаков, советской власти. А однажды, когда моя тетя приехала к нам посидеть несколько месяцев с моим младшим братом, к нам в дом пришла моя классная руководительница. Увидела она обшарпанные стены, засаленные обои, пустые бутылки из-под водки под столом на кухне и гору немытой посуды на столе, незаправленные кровати и разбросанные вещи. А где была я? На хоре в школе, который ненавидела всеми фибрами души. Но пребывание там было моим единственным шансом иметь хорошую оценку по музыке, его нельзя было пропускать даже по справке врача. Раз пропустил – «четыре» в четверти, два пропустил – «три», три пропустил – «два». Альтернативой было знать в лицо всех классиков мира, музыкальные инструменты, оперы, балеты известных композиторов. На уроках музыки мы взбирались на самый верх сцены. Каждому ученику показывали музыкальный инструмент. Не узнал – спускаешься на ступеньку вниз, теряя балл. Далее – фото композитора. Не узнал, спустился еще на одну ступеньку. Ты обязан был знать

и членов «Могучей кучки»: М. А. Балакирева, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргского, А. П. Бородина и Н. А. Римского-Корсакова. Их профессии в миру. На слух не угадал произведение – спускаешься еще. Как я ни старалась, кроме «Афинских развалин» ничего больше не узнавала. Хотя там легко было запомнить: «Раз кирпичик, два кирпичик...» А знать мы должны были и национальность композиторов. До сих пор я, сластена, вижу безе в кулинарии, а в голове перечисляется: Безе, Гуно, Тома, Массне, Дебюсси, Равель, Сен-Санс...

Как заучивала французских композиторов, так мозг всех сразу мне их и выдает по сей день. Что бы прекратить эту пытку – спускание со сцены, означавшее потерю балла, – я решила правдами и неправдами попасть в хор.

Подружка помогла. Все знали, что чтобы попасть в хор, нужно не фальшивя спеть «Во поле березка стояла, во поле кудрявая стояла».

Подружка играла на пианино, а я более часа пела эту строчку, пока она наконец-то не сказала: «Ладно, пойдет». Помогли соседи, начавшие стучать по батарее.

Действительно пошло, и мои неоднократные попытки просочится в хор наконец-то увенчались успехом. Я в хоре, но не пою, а всего лишь открываю рот в такт, так как песни учу.

В детстве я считала себя обладательницей гениальных вокальных данных. Мы с братом горлопанили, пытаясь перепеть друг друга:

– А я иду, шагаю по Москве, – пел брат.

– Орленок, орленок взлети выше солнца! – пыталась перекричать его я.

– Когда ж вы замолчите, я так с Вами на канатку отправлюсь! – отзывалась мать.

Ее крики были бесполезны, мы упорно пытались доказать друг другу, кто из нас круче поет. Пока...

Пока у нас не появился новый кассетный магнитофон «Весна». Да еще и с микрофоном!

Я записывала песню, кривляясь перед зеркалом в туфлях на каблуках размеров на пять больше моих ног, нацепив на себя все свои и мамины побрякушки и бабушкины платки, с микрофоном в руках, воображая себя звездой телеэкрана, не меньше. Но когда услышала себя со стороны, то очень стало жалко маму. Как она выдерживала это в течении такого длительного времени?.. Мне не то, что медведь на ухо наступил, а, походу, стадо мамонтов прошлось. Если в ноты я и попадала, то исключительно случайно. Плюс, я слишком высоко брала. Так что мое пение скорее напоминало высокочастотный визг недорезанного поросенка. После этого момента в жизни я пела всего один раз и то насильно. На будущей работе. Коллеги были любителями караоке. В праздники пели все, кроме меня. Однажды стали приставать и ко мне с угрозами. Я предупредила: «Сами напросились».

Пела я от души. Песню группы «Браво», называющуюся «Вася».

Лица моих коллег искривились хуже, чем от скрипа пенопласта, но им пришлось дослушать меня до конца.

Я употребила свой любимый метод из геометрии – доказательство от противного.

Больше у них мысли просить меня петь не возникало.

Хоть в школе хор я не пропускала, но в нем я так ни разу и не спела. Как-то учительница по литературе решила действовать «готовый школьный хор» в своих мероприятиях. На уроке сказала: «Кто ходит на хор, поднимите руки».

Мне пришлось и руку поднять, и на репетицию пойти.

Выслушав песню, учительница, хитро улыбаясь, констатировала факт:

«Ребята, имейте ввиду, если вы рот открываете, даже зная текст, а звук оттуда, как у Али, не идет, это ж сразу видно!»

Вернемся к моему шокированному классному руководителю, возмущенному моим отсутствием дома из-за хора, где, по ее мнению, я развлекалась.

На классном собрании учительница говорила:

«Я была дома у одной хорошей ученицы из нашего класса и что я увидела? Такой беспорядок, а девочка ушла гулять. Как не стыдно?»

Я готова была провалиться сквозь землю... Но изменить ничего не могла. Четыре человека сорили быстрее, чем мог убрать один.

Я погрязла в беспросветном труде и попреках. Только в

школе педагоги ценили добросовестную, ответственную девочку, но школу я не любила.

В начальных классах моя бабушка была еще жива, так что я еще не знала, насколько мне тяжело будет общаться с моим собственным отцом после ее смерти и как тяжело будет переступить порог дома без бабушкиной защиты. Но что же творилось в этот момент в школе? Моя первая учительница только-только потеряла своего мужа, он утонул во время зимней рыбалки, и она осталась одна с двумя маленькими детьми. Придется вспомнить свой первый страх, он, конечно, намного меньше того будущего страха, который будет вызывать отец, но все же я ее боялась. Она для меня была человеком, который не способен контролировать свою злость. Однажды на математике, по сей день помню, проходили мы пропорции, и на уроке мне казалось, что все элементарно. Да, я поняла механический процесс. Но я еще не знала, что чтобы понять, а тем более полюбить математику, нужно понять суть. А ее то в пропорции я и не поняла. Не трудно догадаться, к чему это привело. Чуть-чуть меняется условие, и ребенок уже не способен решить задачу. Так вот, я на продленке. Задача на пропорцию, только нужно найти не процент от числа, а совершить обратное действие, то есть известен процент, а нужно найти число. Я сидела пару часов над этой задачей, все мои одноклассники уже давно развлекались, сделав все уроки. А я могла бы еще как Илья Муромец просидеть хоть 33-и дня и 33-и года, все равно ни к

какому результату бы не пришла. Злыдня-учительница и не думала мне объяснить тему. Она только наорала, что это мои проблемы, что нужно было внимательнее слушать на уроке. Ума хватило отпроситься в туалет и попросить помощи у одноклассников. А вот ума списать без ошибки не хватило. Конечно, она просекла мой хитроумный план по списанию задачи. Если честно, я не помню, как и что обычно она орала, помню только, что от страха получала двойки за выученные стихотворения, потому что теряла дар речи при ее виде. Помню, как мама приходила возмущаться к ней за двойки по стихам, которые я накануне без запинки рассказывала ей. Помню, как учительница заставляла есть на продленке. Моя подружка в тарелку с супом клала столовую ложку, а сверху – пустую тарелку из-под съеденного второго. Не выливался он благодаря ложке, она держала тарелку над супом, скорее напоминающим помои. Потом она уверенно проходила мимо стола педагогов, за которым сидела наша учительница, как овчарка на границе, и смотрела, пустые тарелки мы несем или нет. Я, давась, еле запихнула в себя пару ложек супа. Уже больше не могла это есть. Умолила свою подругу пронести контрабандой и мою тарелку с мерзким рассольником. Она сказала: «Надо еще пару ложек отъесть, а то суп просочится на пустую тарелку и быстро идти не получится, расплещется».

Но увидев мой жалобный взгляд, понесла, как было. Училка задержала подругу на досмотр тарелки с супом. Вер-

нула ее ко мне, заставив меня доесть суп. А в нем уже побывала и неглубокая тарелка, вымытая вонючими грязными жирными тряпками особенно плохо с внешней стороны. Я ела и давилась. Рассольник в нашей столовой особенно «удавался» нашим поварам. Так что после обеда меня рвало в туалете, причем такая же реакция была еще у нескольких девочек из класса. Когда вся эта история с коллективной рвотой в туалете, благодаря родителям одной из девочек, дошла до директора школы, нас перестали заставлять есть. Но запах рассольника по сей день вызывает у меня рвотные позывы. И суп я ем очень редко до сих пор, только если уж попадетсЯ повар-волшебник.

Еще вспоминается моя оторванная бретелька на фартуке. Не помню, чем уж я тогда учительницу так разозлила, только орала она на весь класс, что я тупая, и в завершение от злости порвала на мне мой фартук школьной формы. В общем, я мало, что могу рассказать о своем начальном образовании, так как не хотела вспоминать весь этот кошмар. У меня была подруга в первом классе, но ее мама родила двойню, им дали квартиру, и она уехала далеко-далеко. Во втором классе я прибилась к одинокой девочке, с которой мы в принципе не могли быть подругами. Да, общались мы годами, но как вы думаете, к чему может привести «дружба», если люди общаются не из-за душевной близости, а потому что больше не с кем? Закончилось все так, как и должно было закончиться: она предала меня при первом же удобном случае. К

нам пришла новенькая, она сначала подговаривала дружить с ней против моей подруги, но я не согласилась, и тогда моя подруга стала дружить с ней против меня. В старших классах, слава богу, сменились учителя. Точнее, вместо одного их стало много. Конечно, все люди не ангелы, у всех характер, причуды и бывает плохое настроение. Но я же прошла школу оторванного фартука! Так что не смотря на все вышеописанное, мне нравились все учителя, и у большинства я стала любимицей.

После первого учебного дня в старшей школе я радостная прибежала домой:

– Мамочка, мамочка, – кричала я. – У нас такая классная учительница по русскому языку и литературе!!! Я ее уже видела давно, мы с Владом спускались по лестнице в школе и встретились с ней. Это учительница Влада.

Тогда учительница, заметив нас на лестнице, ласково улыбнулась, погладила меня по голове и спросила:

– Влад, это твоя сестра?

– Да, – ответил он.

– Какая хорошая девочка, – сказала она.

Такой я ее и запомнила, а теперь страшно обрадовалась, когда увидела именно ее на своем уроке. Да, она теперь и моя учительница!!!

Моя мама резко побледнела, от ужаса присела на краешек стула и спросила:

– Аля, ты уверена, что это учительница Влада? Как ее зо-

вут?

– Лидия Леонидовна, – четко протараторила я.

Мама, кажется, побледнев еще больше, тихо прошептала:

– Думала, с одним ребенком намучилась, теперь вот другой.

Моя мама гипероптимист по жизни, воин и борец, умеющий сохранять свою теплую атмосферу, в которой всем хорошо, сейчас пригорюнилась. О силе этой маленькой полненькой женщины я напишу позже. Жаль, что она выпала из моей жизни на пару лет, что чуть не закончилось для меня весьма плачевным исходом.

Мне поведали семейную историю.

Влад, несмотря на то, что учился неплохо, был первым хулиганом в классе. Устраивал всяко! У него были хорошие оценки и по химии. Но однажды перед контрольной к нему подошли одноклассники и попросили сорвать урок, так как боялись получить двойки. Влад испортил замочную скважину, и весь урок учительница открывала дверь. Потом какой-то стукач доложил ей, кто сорвал урок. Химичка у нас, кстати, с Владом тоже была одна и та же, как и другие учителя. Очень хороший педагог и человек. А у него она еще была и классным руководителем. Подозвала его:

– Влад, объясни, зачем ты это сделал? Ведь я знаю, что у тебя, может, не пятерка, то уж твердая четверка с плюсом точно по химии.

– Ребят спасал, попросили, – ответил брат, потупив глаза.

Понятно, что он отличался не только на химии, но и на литературе. Правда, все остальные учителя, кроме литературши, хоть и считали Влада хулиганом, но не могли плохо к нему относиться из-за его легкости и сообразительности. После 9-го класса брат и наш отец пошли в школу на комиссию, чтобы поступить в 10-ый класс. Учительница по литературе, издали увидев их, побагровела от злости и резко изменив направление, убежала в свой кабинет за тетрадками, чтобы предъявить их в качестве компромата для комиссии. Итак, мои родные стоят перед учителями, а те решают, может мой брат дальше продолжать учебу или нет. Учительница по литературе орала: «Вы посмотрите на его тетради. Он не способен учиться дальше. Я вообще уйду из школы, если вы его оставите».

Огонь на себя взяла учительница по математике:

«А я считаю Влада способным мальчиком. По моему предмету он меня радует. Он со всем справится, а русского языка в 10-ом классе нет».

Его поддержали и химичка, и физичка, и географичка, и даже директор школы.

Влад поступил в техникум, списав диктант у соседа, за которого сделал математику, и сам решил в школе не оставаться. Техникум окончил с отличием и без экзаменов поступил в институт.

Чем же он так отличился перед преподавателем по литературе и русскому языку? Она была очень строгая и терпеть

не могла халтуру. А Влад был главным халтурщиком если не школы, то класса уж точно! Конкретно я и мой класс с дрожью в ногах входили в ее кабинет, а он позволял себе домашку не делать. И однажды она, собрав тетради, увидела, что он задания в принципе не делает. С яростью разорвала его тетрадь, выдала новую с глянцевой обложкой и сказала сделать все задания за неделю. У нас дома сроду не было ни тетрадок, ни карандашей, только минимум канцелярских товаров и отсутствие денег. Так что если тетрадка заканчивалась, то приходилось ехать за ней в магазин.

Училка требовала тетради именно с глянцевой обложкой. Помню, как родительский комитет моего класса бегал по всей Москве в поисках таких. Поэтому Влад из принципа купил в магазине за четыре автобусные остановки от дома одну тетрадку, чтобы заменить на шершавую обложку. Тетрадь аккуратно подписал и обернул, но! Вместо заданий поиграл в морской бой с друзьями и нарисовал голых женщин. И вот с этой самой тетрадью его вызывают к доске. Она, довольная, берет опрятную тетрадку в руки, раскрывает ее и просто закипает от злости. Разорвав, кинула тетрадь в брата и прошипела: «Влад, ты свинья!»

На что он спокойно ответил, что она сама свинья!

Помните мою классную, выступившую на собрании? Она преподавала нам английский, но была с причудами, хотя, в принципе, переживала и заботилась о классе. Я была старостой. Она как-то подозвала меня и сказала:

«Сколько преподаю в школе, никогда таких старост класса не видела. Я забываю тебя контролировать месяцами, пугаюсь, начинаю проверять, а в твоих обязанностях безупречный порядок: рапортичка заполнена, все сделано и именно ты помогаешь учителям держать дисциплину на уроках. Ты у детей в авторитете, и они тебя побаиваются».

На уроках я всегда внимательно слушала педагога, по возможности побольше впитывая в классе, чтобы дома было легче учить. Меня раздражало перешептывание одноклассников. На истории я сижу и слушаю новую тему, а моя подруга – соседка по парте – шепчется с мальчиками, которые сидели за нами, очень мне мешая. Я несколько раз сделала ей замечание, потом не выдержала и громко сказала на весь класс, обращаясь к ней по фамилии: «Прекрати нарушать дисциплину». После этой фразы смеялись все, включая учителя истории. После такого, конечно, в классе была дисциплина, радуя нашу классную. Она призналась, что когда взяла наш класс и узнала, что я родная сестра Влада, то боялась, что ненависть преподавателя по литературе перейдет на меня по наследству. Она удивлялась: «Но нет, за все время работы я не только таких старост не видела, но и никогда не видела, чтобы литераторша так кого-то любила, как тебя».

Да, Лидия Леонидовна была строга, но справедлива. Она ценила и любила добросовестную девочку, то есть меня. На эту любовь не могла повлиять и моя природная безграмотность. Еще в начальной школе у нас было изложение. На уро-

ке зачитали текст, а дома мы должны были его написать. Я написала и дала проверить маме. К тому моменту, когда я уже забыла про изложение, нам выставили оценки. Я получила четыре за содержание и кол за грамотность. Домой я шла, рыдая на весь район.

Дома:

– Что случилось? – спросила меня мать.

– Я кол по русскому получила.

– Что же ты такая бестол... – но недоговорив фразу и сменив тон на ласковый, продолжила. – Ну и ладно, ничего страшного, справишься.

За оценки после этого момента мама в жизни больше меня не ругала. А причину я узнала позже. Мама, увидев изложение, поняла, что если бы не ее правки, я, может, и тройка получила бы. Учительница наисправляла и кучу ее ошибок.

Мама созналась: «Я «рыжую лису» из твоего изложения на всю жизнь запомнила. У тебя было написано «рыжая лиса». Я вспомнила правило: «жи-ши пиши с буквой «и». Исправила на «рыжия лиса».

Вот и учительница по литературе не меняла ко мне отношения из-за ошибок.

Она видела, что я выполняю все, учу правила, а пишу как «торгаши» с Черемушкинского рынка, у которых русский язык не родной, которые плохо разбираются в падежах. Я знаю падежи, склонения и спряжения, но могу слово написать так, в упор не видя ошибку, что не всякий носитель рус-

ского языка поймет его значение. В 9-ом классе мы сидели на уроке, и она разговаривала с моим одноклассником, прося уйти его из школы:

«Если ты уйдешь из школы, я тебе поставлю три в аттестат, и иди себе спокойно. А если нет, то за диктант у тебя будет два. Неаттестация. Я не буду тебе снижать оценку. Я поставлю ее справедливо. Просто и я, и ты знаем, что напишешь на два».

Я сидела и боялась, что тоже напишу диктант на два. Какой позор. Я если бы захотела, могла бы школу закончить с медалью. Но русский, мой хромающий русский. Я могу получить двойку и остаться на осень! Она увидела страх в моих глазах и сказала:

«Вот Аля на два напишет, я возьму синюю ручку, половину ошибок исправлю и поставлю три». Может показаться, что где же тут справедливость, о которой я говорила, характеризуя учительницу? Она не только поставила мне три, но и вытянула меня на эту самую тройку. Об этом чуть позже. Я выполняла все, а как я выполняла литературу? У меня любое произведение, даже самое объемное, было в закладках, я знала все о главных героях, ключевых моментах, кроме того, я всегда читала критиков и мысли умных людей, которые высказывались о произведениях школьной программы. Она знала и любила мою душу, которая не могла не отражаться в сочинениях. Однажды я шебуршилась у нее в кабинете, когда пришел ее племянник. Показав на меня, она сказала:

«Вот, это та самая Аля, о которой я тебе говорила. Таких больше нет...»

Однажды всем классом мы сидели на её дополнительных занятиях:

«Аля, я буду заниматься с тобой русским языком, пока ты не поступишь, куда ты там собираешься или пока замуж не выйдешь. Девчонка ты хорошая, муж тебя и без образования возьмет».

Потом покосилась на мальчика из моего класса, который явно неровно ко мне дышал, а она как опытный педагог это видела:

– Правда, Леша? – спросила она у него.

– Правда, – ответил он.

Она кокетливо взмахнула рукой и жеманно сказала:

– Но за тебя мы не пойдём!

Несколько месяцев я ходила к ней домой совершенно бесплатно, по ее инициативе, и мы писали диктанты, учили словарные слова. В итоге я получила три на вступительных экзаменах. Это была моя тройка, честно заработанная мной и моей учительницей!

Спустя годы Влад стал относиться к учителю литературы не так категорично, только считая, что все-таки она неправильно себя вела. Я же с уважением к ней относилась всегда, даже с любовью, только вот побаивалась ее гнева.

Поэтому моей самой любимой учительницей была учи-

тельница по математике, не смотря на то, что заставляла учить все формулы, теоремы и аксиомы. Она не только знала хорошо свой предмет, но и, являясь от природы интуитивным психологом, а, может, просто порядочным человеком, всегда поступала по совести. Еще была каким-то главным общественным деятелем в школе. В связи с чем принимала участие в организации всех праздников. Ко мне от нее исходило все-таки особенное тепло и забота. При постановке одного из спектаклей она притащила свое добро в школу: перчатки и чешскую бижутерию, в то время считающиеся кладом. Во времена дефицита у меня была только одна заколка из чешского стекла. Сейчас такую можно купить дешево в переходе, а тогда была диковинка. Я сдуру ее на урок физкультуры одела. Мы бежали кросс на лыжах. После уроков, еле волоча ноги и рассыпающиеся лыжи, уже возле дома обнаружила, что моей любимой заколочки нет на волосах. Быстро бросив лыжи, пошла искать заколку. Выискивала ее по дороге. Прошла по маршруту урока. Ничего не нашла. Повторила попытку, увязая в сугробах без лыж. Возвращалась домой очень расстроенная. Слезинки катились по щекам. Мне было так горько. Пришла домой, а заколочка моя зацепилась за шерстяной свитер, спокойно на нем вися. А учительница принесла шикарные клипсы и ожерелье, блестящее, как алмазы, не то, что моя заколочка с мелкими камешками в один ряд.

Все это целенаправленно полностью отдала мне со слова-

ми: «Я Альку хочу принарядить!»

Мне нравилось все, что было с ней связано, даже алгебра и геометрия. Именно она дала нам Ключ: элементарные знания, которые помогли сначала заинтересоваться предметом, а потом увлечься им все больше и больше. Если бы не она, я бы ненавидела математику еще со времен непонятой мною пропорции. Благодаря первой учительнице, абсолютно тупой я считала себя именно на этом предмете.

Геометрия, если знаешь правила игры, настолько волнует твой мозг, что когда ты находишь решение сложной задачи, ты испытываешь несравнимый кайф, который не даст ни одна дурацкая игра, будь то карты, настольные игры или что-то еще. Когда тебе удастся найти изначально казавшееся невозможным решение, у тебя появляется возможность перед любыми жизненными проблемами не опускать руки, а думать и думать. И решение находится, геометрия доказала это сотни раз. Решение всегда есть, и ты его найдешь, если будешь искать. А что такое алгебра? Это не такой творческий процесс, но все же алгебра учит рациональности, организованности, внимательности, собранности. Очень полезные в жизни качества. Нет никакого тренажера, никакого способа добиться этих качеств более продуктивно. Трудиться всегда трудно. Извините за тавтологию, но корень один, суть одна. Сколько раз я видела в фильмах как воин, чтобы одержать победу, изнуряет себя тренировками. Обливается потом, у него болят мышцы. Но только так можно победить врага и, собственно,

себя. Только учась напрягать мозги, мы можем понять, какие возможности нам дают знания. Часто слышу от детей и даже взрослых: зачем нам география, история или физика, разве я не могу без этого поехать или сходить в туалет?.. Не буду с вами спорить. Для этого вам даже уметь писать и считать не надо! Представьте, что вирус уничтожил много людей и остались только недоучки. Нет физиков, химиков, ядерщиков. Дружно подняли ручку и помахали телевизорам, компьютерам, гаджетам, даже электричеству, шампуням и мылу, продолжать можно до бесконечности, ведь через десяток лет все это выйдет из строя или закончится, никто в этом не разбирается и не производит! Если раньше люди не вымрут из-за отсутствия биологов, врачей и так далее. О чем это я. Никто не заставляет вас быть физиком, химиком, биологом, географом или танцором одновременно. Но вы должны иметь определенный уровень образования хотя бы для того чтобы понять, кто вы, собственно, вообще. Общее образование учит быстро находить ответы на вопросы даже в незнакомой области. Знать, что ты можешь все или почти все, тоже не мало! Целыми днями лежать и жрать может себе позволить только свинья. Но цель ее пребывания на планете Земля – стать блюдом к Новому году столу, нарастив жир. А зачем человек, от которого нет прока? Человек сильнее любого зверя лишь потому, что он умеет мыслить. А если он это умение не использует, то, возможно, законы природы избавятся от него, как от поросенка или как от паразита. Да,

тараканы напрасно едят наш хлеб, но рано или поздно приходит конец терпению, и их травят. Я очень благодарна, что уже в четвертом классе поняла, что если достойно школу не закончу, то не смогу выбраться из того ада, в котором существовала. Мне, конечно, было сложно и понадобились еще годы на то, чтобы отойти от начальной школы. Хоть я ходила в школу с неохотой, но уже не как на каторгу. Тем не менее это не было мотивом радоваться жизни.

Я устала бояться нападений отца, после них я была полностью опустошена, хотя за всю жизнь он меня пальцем не тронул. Как бы вам описать... вы проходите мимо бешеного пса на цепи, у него пена от злости изо рта течет, он гавкает, а разорвать вас не может, но вам все равно страшно: вдруг цепь, сдерживающая его, оборвется, и это чудовище вас растерзает? Иногда мне хотелось уйти из дома. Но куда с пятью рублями в кармане? Да я готова была жить на них в подвале, питаюсь корочкой черного хлеба в день, но как при этом ходить в школу? Где мыться? Приходилось терпеть, терпеть, терпеть... Плюс, я настолько была не уверена в себе, считала себя уродиной. У меня не было необходимых вещей. А зимой мне приходилось ходить в старой шубе из искусственного меха, в которой я была похожа на ободранного медведя. Каково, если девочку в автобусе теребят за плечо с вопросом: «Женщина, вы выходите?» Нет, этот шкаф в убогой шубе не женщина, а девочка, в крайнем случае подросток. Однажды я забыла, что человек все может. Проснувшись в

праздничный день и выйдя из своего чулана, да-да, именно чулана, а не комнаты, я жила в чулане без окон площадью метра четыре в квадрате, я снова наткнулась на попреки отца. Я пошла в ванну. Думала о своей собачьей жизни и плакала с полчаса. Потом посмотрела на себя в зеркало и бросила вызов богу: «Господи, ты считаешь, что где-то есть место хуже моего, называемое адом? Так покажи мне его». Я взяла все таблетки из краски для волос и выпила их, запивая водой из-под крана, быстро глотая. Мне стало так спокойно. «Оказывается, это так просто и легко... Столько мучилась и зачем?» – говорила я своему отражению. Я уже на границе между смертью и жизнью. В пути... Очень скоро яд начнет действовать. Через часок я уйду умирать на Семеновское поле, под куст. Буду умирать одна, словно дикий волк. Нет, я не хочу передумывать. Сыта по горло такой жизнью. И вдруг я испугалась, где-то минут через двадцать. А хватит ли таблеток? Без колебаний взяла вторую пачку маминой краски и выпила все токсичные таблетки. Из ванны я вышла вся зареванная, с опухшим как у поросенка лицом, но этого никто не заметил, как и моего часового отсутствия. Отец резко и грубо дал мне денег и сумку для хлеба. Я пошла в магазин. По дороге заглянула в почтовый ящик и обнаружила письмо для себя от друга. Взяв его, я продолжила путь в булочную. Там была большая очередь, у меня было достаточно времени для неторопливого чтения. Оказывается, существует человек, интересующийся моей жизнью. И только прочтя

письмо, я, нашпигованная токсичными концентрированными таблетками в количестве двадцати штук, поняла, что все в этой жизни можно поменять. Просто нужно потерпеть пару лет. О том, что что-то можно изменить в отношениях с отцом, мне даже в голову не приходило. Блин. Я же умираю. Я сейчас умираю. По-настоящему умираю. Может быть, уже слишком поздно и я прошла точку невозврата. Меня уже достаточно сильно мутило. Во рту был вкус перекиси, в носу запах перекиси, вместо слюны – перекись. Еще несколько человек передо мной. «Ну, давайте же быстрее, мне нужно купить этот чертов хлеб, я же спешу, могу не успеть вызвать скорую», – думала я. Мне вдруг так стало жалко себя, своего друга и той жизни, которую я себе уже представила через пару лет. Одна стена булочной была стеклянной, через нее меня припекало ласковое майское солнышко. Открывался чудесный вид на цветущий вишневый сад. В детстве я часто высматривала в нем ягодки покраснее. Все возрождалось, только одна я умирала. Домой мчалась быстро. Жила я на пятом этаже хрущевки без лифта. Лестница казалась бесконечной. Ноги предательски заплетались, подкашивались, не успевая за мной. Просто бесконечные ступеньки.

Натолкнулась на брата, все рассказала. Эстафету по спасению моей жизни передала ему. Так что бежал и спотыкался теперь он, а я, как и положено умирающему, спокойно доползла до дома, причем почти одновременно со скорой.

Несколько молодых ребят промывали мне желудок. В ван-

не сняли душ со шланга и на метр всунули в рот. Не знаю, сколько литров воды в меня влили, но рвота была сильная. Врачи были в ужасе от такого количества выпитых мною таблеток... Потом меня увезли в больницу, проверили желудок, посадили в палату для психов, чтоб не сбежала или что еще не учудила. На окнах решетки, на дверях решетки, сыро, холодно, серо. Так еще одну привезли, травившуюся таблетками. Мимо ходила медсестра и причитала: «В праздники от вас покоя нет. Не хотите жить, бросайтесь с 17-го этажа. Мозги по асфальту – и никаких проблем». Время шло, за мной пришел медбрат. По дороге он очень ласково мне рассказывал, что такой дурной поступок может всю жизнь переломать. Умирать передумаешь, а желудок испорчен, придется жить и мучиться. Какой был хороший день. Майское солнце уже жарило, птички чирикали, почки распускались. Мне было так благодатно, так хорошо. А я ведь могла все это больше никогда не почувствовать и не пережить. Вскоре мы добрались до психолога. Там была и мама. Психолог пыталась разобраться, что произошло:

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – ответила я.

– Ну, наверное, мальчики, безответная любовь.

Я думала, что у меня хватило сил пережить безответную любовь, а вот ежедневно переживать попреки, которых не заслуживаешь, не хватило.

Как в сказке «Золушка». Сколько я каждый день заслужи-

вала похвалы? – тридцать три раза, а отец не похвалил меня ни разу. Сколько я заслужила замечаний? – ни одного, а он обижал меня каждый раз, как только появлялся.

А по поводу мальчика... У меня был мальчик, он служил в армии в Хабаровске. Звали его Николай. Как мы с ним познакомились? Летом я отдыхала на даче. По вечерам с подругами в клуб ходили. Там сдружились с местными. Одним из которых был он. Я переживала безответную любовь, только что упомянутую, поэтому холодно относилась к Коле. Безответная любовь заставляла меня вздыхать и ничего другого вокруг себя не замечать, Николая в том числе. При этом я считала себя страшной, никчемной девушкой и думала, что вообще никому не могу быть по-настоящему нужна, особенно «объекту своего вздыхания». Когда ты влюблена, то образ дорисовывается сам собой, и из обычного, причем не всегда хорошего человека, получается ангел с крылышками. Я не знала, как он ко мне относился.

Мы жили в одном подъезде, ходили в одну школу и, конечно, общались. Думаю, я для него была другом детства. Вот и все – бесполым другом детства. Для того, чтобы преодолеть сильное чувство, нужны и сильные эмоции. А он годами очень ровно относился ко мне, то есть никак. Вот господь сжалился надо мной, послав его клона, только на дачу. Клон был знакомым Николая, так что получилась своеобразная геометрическая фигура, даже не треугольник. Клон, положив на меня глаз, позаигрывав со мной, стал встречаться

с моей подружкой. Подруги так не делают, так что будем ее называть приятельницей. Это было больно. Я ощутила на себе всю силу ревности, злости и разочарования, зато вскоре я наконец-то освободилась и от чувств к нему, и от чувств к первоисточнику. Клон, конечно, гуляя с моей приятельницей постоянно цеплял меня. И вот однажды он фамильярно обращается ко мне:

– Ну что, как дела, малышка?

– А почему ты так со мной разговариваешь? – злилась я.

– Ну ты же самая маленькая здесь!

– Почему же? Мне четырнадцать лет, а твоей подружке двенадцать.

У него из орбит выползли глаза. Потом его друзья рассказали, что нравилась ему я, но он счел меня очень маленькой и переключился на двенадцатилетнюю девочку, выглядящую на восемнадцать. У нее на голове была химия, тонна косметики, а я была скромная тихая девочка с юбочкой в пол и стрижкой под мальчика. В тот момент я не замечала воздыхающего по мне Николая. Он даже с настоящей моей подружкой – Светой – сдружился, чтобы видеть меня. Он всегда был рядом с нами. Приходил и по бездорожью в нашу деревню, и в хорошую погоду, и под проливным дождем. Втирался в доверие Светланы. Она с ним обо всем советовалась и меня упрекала: «Блин, как тебе повезло, такой хороший парень за тобой бегаёт, а ты о дряни воздыхаешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.